

Секция «История»

Проявления аномии и устойчивость социальной системы на примере осаждённой Тулы в 1941 г.

Чугунова Наталья Васильевна

Кандидат наук

Тульский государственный университет, гуманитарный, Тула, Россия

E-mail: NATACHUG@yandex.ru

В разные исторические эпохи имели место периоды, когда большая часть людей считала возможным, а то и неизбежным близкое крушение существующего социального порядка, всего жизненного уклада. Возникал феномен, который можно назвать социально-психологической картиной «конца света».

Хорошей иллюстрацией этих феноменов может служить знаменитая картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи», где выведена целая галерея характеров, по-разному реагирующих на приближающуюся гибель города. Кто-то пытается спасти близких, кто-то в панике, кто-то предается безудержному разгулу.

Перед угрозой социальной катастрофы широко распространяется явление, названное известным французским социологом Эмилем Дюркгеймом аномией (от греч. «беззаконие»). Под аномией понимается деградация всей системы социальных норм (морали, права, обычаев), регулирующих поведение человека. Когда гибель существующего социального строя кажется неминуемой, аномия распространяется как эпидемия, ею оказываются захваченными совершенно законопослушные в обычное время люди.

Для аномии, спровоцированной угрозой социальной катастрофы, характерны такие явления, как дезертирство, мародерство, массовые беспорядки, грабежи, панические настроения.

Подобный феномен могут проиллюстрировать материалы архивного фонда Тульского городского комитета обороны, хранящиеся в Центре новейшей истории Тульской области (ЦНИТО).

Вследствие того, что деятельность городского комитета обороны носила координирующий характер, в фонде содержатся документы не только самого комитета, но и центральных советских ведомств, местных государственных и партийных органов, воинских частей. Такой характер фонда позволяет составить весьма полное представление о жизни военной Тулы.

Стоящий у стен города враг, стремительное продвижение немецких войск, падение крупнейших городов страны, лишения военного времени, а также немецкая пропаганда о неизбежности уничтожения советского строя, закономерно создавали у значительной части туляков ощущение близкой социальной катастрофы. Сознание скорого разрушения существующей социальной системы порождало ряд специфических социально-психологических феноменов.

Оборона Тулы знала немало таких примеров. Документы рассказывают о массовых беспорядках, в которых ясно видны черты иррациональной психологии толпы, выделенные еще основоположниками социальной психологии Гюставом Лебоном и Габриелем Тардом. Так, в октябре-декабре 1941 г. в Туле и по области регистрировались факты массовых разграблений населением магазинов, складов и других объектов [1]. Грабежами занималось как мирное население, так и военные. Распространены были также

случаи бесплатной раздачи государственного имущества населению по указанию руководителей партийно-советских органов в районах, обстановка в которых объективно еще не была критической. Такая раздача часто была неорганизованной, что приводило к большому скоплению людей, беспорядкам и полному разграблению складов [2].

По свидетельству военного прокурора г. Тулы и Тульской области И. Садовникова, в разных местах Тулы можно было обнаружить ценное имущество, никем не охраняемое и растаскиваемое. На некоторых предприятиях «ценное оборудование, материалы, топливо и другое имущество оставалось без охраны и поэтому портилось и расхищалось» [3].

В условиях нехватки информации распространялись слухи о скорой гибели Советской власти, «как будто правительство СССР сбежало, Красная Армия развалилась...», «...50% населения посажено в тюрьму» и т. д. [4].

В октябре 1941 г. в связи с приближением фронта панике поддались даже отдельные партийно-советские и хозяйственные руководители. Одни распускали подведомственные им аппараты, другие при эвакуации семей вскрывали склады с продовольствием и увозили его с собой, расхищали госсредства и др. В результате бегства руководства некоторых предприятий возникала «паника и волна» среди сотен рабочих, которые останавливали срочную работу по эвакуации на несколько дней [5].

Не всегда выполняли свои функции и правоохранительные органы. Так, действовавший до 27 октября 1941 г. Военный трибунал внутренних войск областного Управления НКВД, по свидетельству председателя военного трибунала Тульского гарнизона Лаксенко, «в панике свернулся и выбыл в глубокий тыл». Также и областной суд в конце октября 1941 г. эвакуировался в тыл и «отсиживается с аппаратом в г. Веневе» [6].

Данные факты, на взгляд автора, отнюдь не должны служить основой для огульной критики советского социального строя в духе демократической публицистики конца 1980-х - начала 1990-х годов. Напротив, есть основания говорить о прочности и живучести советской социальной системы того времени, которая в экстремальной ситуации достаточно эффективно пресекала массовые проявления аномии, сдерживала население как силовыми, так и идеологическими рычагами. Далеко не все люди в ситуации приближающейся социальной катастрофы утрачивали верность социальным нормам. И это, в конечном итоге, зависело не только от личных качеств этих людей, но и от характеристик социальной системы в целом. Ситуация в осажденной Туле никогда не выходила из-под контроля властей, что было частным проявлением высокой прочности советского социума.

Сопоставление событий Великой Отечественной войны, в том числе и обороны Тулы, с немецким блицкригом в Западной Европе, основанном во многом на психологическом факторе, с очевидностью указывает на то, что советская социальная система обладала куда большим пределом прочности, чем современные ей западные государства.

Исследования социально-психологической картины «конца света» в эпизодах Великой Отечественной войны интересны ещё и в связи с тем, что в современном российском обществе всё ещё очевидны симптомы массовой аномии, спровоцированной не военной опасностью, а вялотекущей социальной катастрофой. Разложение системы ценностей, противоречие между провозглашёнными целями и невозможностью их реализации для большинства россиян, а также другие признаки социально-психологического кризиса социума выражаются в отчужденности человека от общества, апатии, разочарованно-

сти в жизни, преступности.

Литература

1. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 5702. Оп. 1. Д. 7. Лл. 5,8,10,13,49.
2. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.
3. Там же. Л. 62.
4. Там же. Ф. 5702. Оп. 1. Д. 7. Лл.153, 108.
5. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Лл. 20, 33, 56, 65, 88.
6. Там же. Л. 24.